

На переломе эпох: от Москвы до Петербурга. (Портное ремесло конца XVII – начала XVIII в.)*

Как изменилось социальное и экономическое положение портных Москвы, а после и Петербурга во время петровских реформ конца XVII – первой четверти XVIII в.? Какое влияние оказывала мода на развитие портновского ремесла? Какие тенденции появились после строительства Петербурга и усиленной вестернизации России во время и после петровских реформ? Петербург как европейская столица, славящаяся своей роскошью, привлекал большое количество портных из Европы. Наличие множества иностранных портных в Петербурге наложило сильный отпечаток на портновское ремесло и привело к возникновению крупнейшего центра моды XVIII в. в России.

How to change the social and economic situation tailors in Moscow, and later in St. Petersburg, from the last quarter of the seventeenth century to the begin of 18th century? What trends emerged after the building of St. Petersburg and increased Westernization of Russia during and after the reforms of Peter the Great? Petersburg as a European capital, famous for its luxury, attracted a significant number of tailors from Europe. In addition to the needs of the royal court and the nobility, army and navy dressed foreign tailors great number of foreigners in the city. The presence of many foreign tailors in St. Petersburg has left a strong influence on the russian tailor's and resulted in building of important fashion centers to Russia in the 18th century.

Ключевые слова: Москва и Санкт-Петербург в начале XVIII в., мода, мужской костюм, петербургские портные, городское ремесло, модернизация, вестернизация.

Keywords: Moscow and St. Petersburg to beginn in the 18th century, fashion, tailors of Petersburg, city's handicraft, city's craftworker, modernisation, westernisation.

В древнерусском языке название профессии портного произошло от используемого материала «порт» [1]. Начало влияния западно- и центральноевропейской моды в Москве можно отнести к появлению в русской столице Немецкой слободы в XVI в. [2] В ходе Ливонской войны (1558–1584) пленные немцы были поселены отдельной слободой в Замоскворечье, в Болвановке, а при Борисе Годунове – на реке Яузе. Во времена Смуты и польской интервенции начала XVII в. слобода сгорела и была вновь образована в 1652 г. на том же месте. С усилением внешнеполитических связей с Западной и Центральной Европой со второй половины XVI в. наблюдаются частичные заимствования на бытовом неофициальном уровне без отказа от традиционной русской одежды [3].

С. М. Шамин в своей статье о моде в России последней четверти XVII столетия сжато сформулировал значение внешнего вида: «Внешний вид человека – одежда, прическа, украшения – точно указывают на его место в социальной структуре общества и культурную принадлежность. Тот или иной стиль одежды может быть выражением политического протеста или, наоборот, показателем приверженности традициям. Эволюция моды неотделима от идейной жизни общества» [4]. Заметим только, что такую характеристику можно распространить на более закрытые общества с высоким уровнем унификации, консервативные или традиционные общества до модерного периода. К российским реалиям она наиболее применима вплоть до начала 1990-х гг.

Для более открытых обществ характерно большее разнообразие в стиле, а для современного общества, живущего в эпоху «после конца истории», вообще характерен «универсальный стиль». На университетской вечеринке, где все студенты одеты примерно одинаково: в футболку, джинсы и кроссовки, трудно будет сделать различие между наследником британского престола, сыном фермера из Нормандии, дочерью профессора из Сорбонны или американского сенатора. То же можно сказать и о российском обществе последних лет.

* Материал подготовлен в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Ссылка на тот или иной указ не может объяснить до конца изменений в русской одежде. Анализ источников указывает на то, что в XVII в. одеваться «по-европейски» среди высших социальных слоев России не было столь уж невиданным делом [5]. Н. И. Костомаров писал об отце первого царя из рода Романовых Федоре Никитиче Романове (ок. 1554–1633), что «не было в Москве красивее и щеголеватее мужчины. Современник голландец сообщает, что если портной, сделавши кому-нибудь платье и примерив, хотел похвалить, то говорил своему заказчику: теперь ты совершенный Федор Никитич. Этого-то первого московского щеголя насильно постригли в Сийском монастыре под именем Филарета» [6].

У И. Е. Забелина находим, что уже в первой половине XVII в. при русском дворе «были люди, которым нравились немецкие обычаи и которые носили даже немецкое и французское платье. Между такими людьми [...] весьма значительное место [...] занимает родственник царя Михаила Федоровича боярин Никита Иванович Романов», любивший одеваться во французское и польское платье. Такую прихоть боярин мог себе позволить во время своего пребывания в деревне и при выездах на охоту [7].

Никто иной, как «первый современный человек России», доверительное лицо царя и главный правитель Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин заключает с Польшей Андрусовское перемирие 1667 г. [8] Если ранее иностранцы отмечали, что быт именитого боярина и средней руки москвича мало чем отличались, то при династии Романовых видны явные признаки образования новой, отличной от народной, европеизированной светской культуры. И если «западник» Ордин-Нащокин еще носит традиционный русский костюм боярина, то такие «горячие поклонники Запада», как боярин А. С. Матвеев и князь В. В. Голицын, ведут «иной образ жизни», одеваются в европейское платье [9]. Показательно, что Нащокин и Голицын умеют не только носить европейское платье, но и разговаривать на латыни и по-польски.

В последней трети XVII в. можно говорить уже не о единичных фактах появления европейской моды среди московской знати. В каких-то случаях законодательные инициативы шли в ногу со временем (1681), т. е. не противореча модным веяниям в обществе, социальной верхушке, в каких-то – опережали его (1698). Как показал С. М. Шамин, Федор Алексеевич указом 1681 г. не вводил никакой европейской одежды, а «просто запретил ношение традиционного парадного костюма, заменив его служилым платьем», бывшим более коротким, чем традиционное, а значит, и более близким к европейскому покрою, т. е. более удобным при исправлении службы [10].

Между 1673 и 1698 гг. происходят перемены в русской одежде в сторону польского платья [11], испытавшего «множество иноземных влияний – немецкое, итальянское, испанское, восточное» [12]. Все они характеризуются изменением длины платья от длинного к более короткому – европейскому [13]. Эти изменения касались, прежде всего, Москвы. В провинции их практически не знали.

Во многих нарративных источниках немалая роль в польском влиянии приписывается жене Федора Алексеевича польского происхождения, Агафье Семёновне Грушецкой, но его нельзя преувеличивать. Петр I отмечал позже, «что при его брате весь двор увлекался нарядами и лошадьми» [14]. В частности, фаворит Софьи, Василий Васильевич Голицын, в ведении которого с 1683 по 1689 г. находился Посольский приказ, слыл известным франтом и приверженцем европейской моды. Это можно сказать и о его брате, А. В. Голицыне [15]. После вступления в регентство Софьи в 1682 г. «в среде московской знати не только внешний вид, но и быт в целом начал перестраиваться по европейским образцам» [16].

В допетровское время сравнительно небольшие потребности в одежде европейского покроя вполне могли быть удовлетворены портными Немецкой слободы, а с 1690 г. – портными Мастерской палаты Кремля. Необходимость в иностранных портных значительно возросла после распоряжения Петра I от 29 августа 1698 г., запрещавшего носить дворянам и горожанам «старинное платье российское [которое было наподобие польского]», зафиксированного в его «Журнале, или Поденной записке...» [17].

Сам Петр I увлеченно занимался формированием своего европейского гардероба. О его пристрастиях говорит, например, случай, произошедший в Голландии во время Великого посольства 1697–1698 гг. Во время пребывания в Заандаме, государю «очень понравилась зандамская одежда; поэтому он отправил одного из своей свиты вместе с портным Ремметом в Амстердам с поручением купить материй, чтобы сшить платье его величеству по зандамскому образцу. Также и другие здешние портные шили платье ему и его свите» [18].

Говоря о введении европейского платья в России, необходимо рассматривать не только распоряжение Петра 1698 г., но и ряд указов, вышедших до 1714 г. включительно. При этом интересно проанализировать, каких социальных слоев это, прежде всего, касалось и какими мерами законодатель собирался добиваться соблюдения новой формы одежды.

Согласно именному указу от 4 января 1700 г. «всех чинов людям», кроме духовенства и пахотных крестьян, предписывалось носить платье на манер венгерского. Западноевропейский покрой, противопоставлявшийся Петром I «традиционно» русскому, должен был стать маркером для элиты «новой России» [19]. Но смена моды не стала радикальной. Как уже было сказано, до Петра европейское платье не было в Москве диковинкой и находилось в обращении у некоторых представителей московской знати. Петр Алексеевич был первым, внедрявшим немецкое или европейское платье посредством распоряжений и указов, предусматривавших разные меры наказаний за их нарушение. В отличие от петровских распоряжения 1698 г. и указа 1700 г., не предусматривавших особых наказаний за их неисполнение, в последующих указах прослеживается введение и ужесточение мер наказания.

Именным указом, изданным в декабре 1701 г., «О ношении всякого чина людям немецкого платья и обуви и об употреблении в верховой езде немецких седел» вводится «жестокое наказание» заслушание. Указ распространялся не только на верхушку общества, т. е. бояр, окольничих, думных и ближних людей, стольников, стряпчих, дворян, детей боярских и гостей, но и на средние и низшие слои населения Москвы: приказных людей, драгун, солдат, стрельцов, жителей черных слобод, «всяких чинов людей Московских и городских жителей», а также «помещиковых и вотчинниковых крестьян», приезжающих и живущих в Москве для промыслов. Им приказано носить верхнее «немецкое» платье саксонское и французское, нижнее: камзолы, штаны, сапоги, башмаки и шапки немецкие – и ездить на немецких седлах. Исключение составляли лишь священнослужители и пашенные крестьяне. Те, кто все же осмеливался носить русское платье в Москве, обязан был заплатить налог «в воротах целовальникам [...] с пеших по 13 алтын по 2 деньги, с конных по два рубля с человека». Для русских портных это означало запрещение производить русское платье и продавать его в торговых рядах под угрозой жестокого наказания [20]. Оно заключалось, скорее всего, в наказании плетью.

В таком большом городе, как Москва, непросто было проследить за исполнением приказа. Тем более видна целеустремленность и настойчивость Петра во введении новой формы одежды. Возможно, выход указа стимулировался также началом строительства новой столицы на Неве в мае 1703 г., в которой строго следили за соблюдением регламента одежды. Поэтому 22.12.1704 г. издается аналогичный указ «О ношении платья всякого чина людям саксонского и немецкого, о неделании мастерам русского платья, о неторговании оным в рядах, и о штрафах за неисполнение сего указа». В указе делается уточнение по поводу сезонной одежды. Зимой велено носить «саксонские и французские» кафтаны, «какие кто похочет; а летом носить одно французское» [21].

Образцы немецкого платья можно проиллюстрировать на примере изображений парижского издания 1888 г., чтобы увидеть, насколько традиционное русское платье разнилось от немецкого.

Уточнение делалось в именном указе от 28.02.1702 г. «О ношении парадного платья в праздничные и церемониальные дни», предписывавшем «носить кафтаны верхние суконные французские; [...] а Московских чинов людям и дьякам носить французские кафтаны и камзолы [...] а иных нижних всяких чинов людям французские ж, и камзолы у кого какие есть цветные». Для этого на проезжих воротах в Кремле, в Китай- и Белом городе были прибиты письма [22].

Производство и ношение русского платья повторно запрещалось именным указом от 29.12.1714 г. «О неторговании русским платьем и сапогами и о ношении такового платья и бород». Причем теперь Петербург упоминался особо, а Москва подразумевалась подо всеми остальными городами. В этом указе упоминался и подтверждался в свою очередь указ от 17.12.1713 г., ужесточивший наказание за его нарушение. Последнее рассматривалось как преступление, влекущее за собой жестокое наказание, конфискацию движимого и недвижимого имущества и ссылку на каторгу «без всякие пощады». Причиной такого ужесточения было неисполнение некоторыми ремесленниками и «торговыми людьми» указов: «презирая их, при Санктпетербурге торговые люди таки русским платьем и сапогами торговали, за то им по розыску в нынешнем 714 г. учинено наказание, биты кнутом и сосланы на каторгу» [23]. Как видно, строгие указы и личный пример царя были недостаточными, чтобы в короткий срок поменять традиционное русское платье последней четверти XVII в., с элементами польского, на венгерское и далее на западноевропейское или «немецкое», т. е. французское и саксонское, в широких слоях городского населения.

Безусловно, влияние иностранцев при Петре I значительно возросло: их приток значительно увеличился после дарования им привилегий указом о вызове иностранцев 1702 г. и предоставлении свободы передвижения по стране. Но стоит учитывать и то, что для многих эмигрантов переселение в Россию могло означать не только успешную карьеру, но, зачастую, и крушение всех надежд, хотя последние оставались в меньшинстве [24]. Тем не менее можно сказать, что политика вестернизации России создавала благоприятные условия для существования в Петербурге большого количества иностранных портных. Дополнительно к потребностям армии, флота,

чиновников, двора и знати, иностранные портные одевали иностранцев, количество которых в первое время после основания Петербурга доходило до 20% от населения города [25]. Первые петербургские портные иностранцы селились на Васильевском острове во Французской слободе в начале 2-й линии и на Адмиралтейской стороне в Немецкой слободе, расположенной по Большой Немецкой улице, а также на Малой и Большой Морской, а со второй половины 1730-х гг. – по Малой и Большой Конюшенным улицам [26].

Сегодня слободы не сохранились, но районы города, в которых была наибольшая плотность заселения иностранцев, можно найти по расположению лютеранских и католических церквей на Васильевском острове (св. Екатерины), на Невском проспекте (св. Петра и Павла), Кирочной ул. (св. Анны) [27]. В петровском Петербурге до 1710 г. трудно заметить еще какую-либо регулярную застройку. За исключением перспектив – будущих главных магистралей Адмиралтейской части: Невского и Вознесенского проспектов и Гороховой улицы, определявших каркас будущей городской инфраструктуры, – преобладало расселение в слободах, вызванное желанием первых петербуржцев селиться на сухих местах [28].

Среди русских мастеровых, выписываемых регулярно с 1710 г. в Петербург, в просторечии называемых «переведенцы», портных почти не было, в основном присутствовали строительные профессии [29]. Согласно именному списку 1723 г. среди почти 1000 русских «мастеровых людей вечного житья» первого призыва насчитывалось всего два или три портных [30]. Русских ремесленников было по сравнению с иностранными несоизмеримо больше, но, что касается портных и других «специальных» ремесел, не существовавших или незнакомых в новой форме до описываемого времени, здесь соотношение совершенно иное [31].

В своих поездках по Европе царь не забывает о своей жене и пишет ей из Брюсселя 4 апреля 1717 г. о том, что посылает ей кружева «на фантанжу и на агажанты»: «...понеже здесь славные кружева из всей Эуропы» [32]. «Фантанжа» означала головной убор, а «ангажанты» – манжеты на груди и рукавах. Екатерина не заставила себя долго ждать и поблагодарила царя в своем ответном письме от 19 апреля «за присланные кружева брабантские» [33]. Что товар, а значит, и работа портных, необходимая для изготовления этого товара, ценились недешево, можно увидеть, ознакомившись с расходами Кабинета его императорского величества в первые годы его существования в 1705–1713 гг. на более чем 346.000 рублей [34].

14.02.1705 г. выдано на мундир арапу Абраму 15 руб. 15 алтын [35]. 02.06.1707 г. на 22 человека – поварам, скатертникам, хлебникам – выдано 440 руб. или по 20 руб. на человека для покупки кафтанов, камзолов, штанов, епанчей. 04.01.1710 г. на «шитье платья на господина генерала» 10 руб. 13.08.1713 на «картуз господину контр-адмиралу 6½ зол.» [36]. Екатерине Алексеевне, с 1712 г. супруге Петра I, куплено 07.01.1709 г. на 54 рубля «в Сумах материи – по красной земле золото с серебром – 12 аршин» [37]. 31.01.1712 – «у города Архангельского [...] материй, золотных штофов разных и проч. вещей» куплено на 1500 руб. Расходы «на платье и прочее людям Екатерины Алексеевны» составили соответственно в 1710 г. 260 руб., в 1711 г. – 355 руб., в 1712 и 1713 г. – по 375 руб. [38]

Для сравнения, годовое жалование кухмистра Петра I Яна Фельтена составляло 200 р., токарного мастера Логина Шлепора «в 1713 ему же по контракту его на 711-й и 712-й год по 400 р. на год, итого 800 р., а впредь ему будет дача от Сената [...] 800 руб.» «Садовнику французенину Денису Брокету по его контракту 300 руб. Да другому садовнику голландцу Леоналу Гарнифельду по договору [...] 168 руб.» [39]

Регламентации и технической стандартизации портновского ремесла служило создание цехов, бывших еще и институтом, помогавшим иностранцам адаптироваться в чуждой им среде. Согласно косвенным данным, уже в 1712 г. в Петербурге имелись цехи портных и цирюльников, в которые вступали московские иностранные мастера [40]. Стимулом для их переселения из Москвы стал, видимо, переезд в 1712 г. царского двора и русского правительства в новую столицу. Иностранцы портные последовали за своими высокопоставленными клиентами, обязанными Петром жить в новой столице. Петербургские портные специализировались на пошиве военной и гражданской униформы, а также делились на мужских и дамских, позднее – модных портных [41].

В первые десятилетия существования Петербурга количество иностранных портных было преобладающим среди общего числа портных ввиду того, что русским мастерам новый европейский покрой не был хорошо знаком, да и достаточного времени выучиться у них пока не было. Как указывает Т. Т. Коршунова, «сведения о мастерах – создателях костюмов XVIII столетия, скудны и отрывочны. Документы изредка называют лишь их имена, иногда перечисляют сделанные ими платья» [42].

Введение цехов указами 1721 и 1722 гг. не случайно совпало с принятием Петром I: победителем в Северной войне, титула императора. Цехи были важным элементом имперского строи-

тельства, должными по замыслу царя-реформатора структурировать столичное и городское хозяйство, обеспечить не только повышение поступления налогов в казну, но и достаточное технологическое развитие ремесленного и мануфактурного производства для удовлетворения потребностей государства.

В регламенте главного магистрата от 16.01.1721 г. предписывалось «определить», сколько ремесленников находится в Санкт-Петербурге: «...даже до последнего сапожника и партнова» [43], а в указе об основании цехов от 27.04.1722 г. упоминается и портновское ремесло, причем приказано «чинить немедленно ж» [44]. При этом русский и немецкий цехи существовали раздельно. По данным К. А. Пажитнова, в 1724 г. в петербургских русском и немецком цехах насчитывалось 245 портных мастеров мужского и женского пола без подмастерьев и учеников [45]. Известно, что кроме них в дворянских городских усадьбах трудилось множество крепостных портных и портних, вышивальщиц и кружевниц. Многие из них отдавались в детстве на обучение иностранным мастерам, по прохождении которого поступали в полное распоряжение помещика.

В заключение можно сказать, что социальное и экономическое положение как русских, так и иностранных портных, особенно в Петербурге, во время петровских реформ конца XVII и первых двух декад XVIII в. существенно изменилось. Вместо изолированного проживания в Немецкой слободе, иностранные портные теперь не ограничены в расселении на территории всего города, прежде всего в его центральных районах, где проживала большая часть потенциальных заказчиков. Мужской костюм, сложившийся при дворе Людовика XIV, с некоторыми региональными особенностями в деталях, и введенный реформами Петра I, состоял из кафтана, камзола и коротких штанов [46].

Если в допетровской России влияние западноевропейской моды носило локальный характер и распространялось, прежде всего, на верхушку общества, то после 1698 г. Петр I планомерно пытается распространить новую форму одежды на все городское население, не говоря уже о служилом, одетом в европейский мундир.

Рассматривая развитие портновского ремесла с позиции длинных трендов, можно предположить существенное культурное влияние со стороны Речи Посполитой, с которой Россия соперничала за геополитическое преобладание в Восточной Европе с конца XVI в. до заключения Андрусовского перемирия в 1667 г. [47] Интеракции не ограничивались продолжительными войнами, но зачастую принимали различные формы культурного обмена. Не случайно, именно при новой династии Романовых царских детей одевают в европейское платье, скорее для потехи, из-за любви детей к переодеванию. Но, как это часто бывает, в игре сформировался определенный культурный код, давший со временем о себе знать. Петр I пошел еще дальше и воспользовался сменой одежды как одной из форм повседневной европеизации [48].

Характерной особенностью правления новой династии Романовых являлась, наряду с приверженностью к традициям, преимущественно западная направленность внешней политики, в результате которой происходит более близкое знакомство с европейской культурой. В быту царской семьи и московской знати все чаще практикуется ношение европейского или приближенного к нему платья. Этот разновекторный процесс длился на протяжении всего XVII в. Известно, что во времена патриарха Никона иностранцы охотно одевались в русское платье, что вызвало в свое время неудовольствие патриарха и запрещение иностранцам носить русское платье для их внешнего отличия от русских.

Со строительством Петербурга и переездом туда царского двора и правительства в 1712 г. положение кардинально меняется. Европейская мода начинает всецело доминировать во вкусах и предпочтениях русского дворянства, академической и промышленной элиты. Этому обстоятельству способствовало уже само пространство северной столицы, построенной по новым принципам европейского градостроительства. Петербург как российская *европейская* столица, славящаяся своей роскошью, стал привлекать большое количество портных из Европы, что наложило сильный отпечаток на портновское ремесло и привело к возникновению крупнейшего центра моды в России XVIII в.

Примечания

1. Портной, швец, портной мастер – относящийся к портному ремеслу. Портной от слова «порт»: кусок ткани, лоскут, тряпка // Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 17. М.: Наука, 1991. С. 129, 131–132.

2. Келлер А. В. Немцы в Москве XVI – начала XX в.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы: по материалам междунар. конф., посв. 850-летию Москвы: сб. докл. М., 1997. С. 53–105; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы XVII–XVIII вв. // Там же. С. 15–52.

3. Коршунова Т. Т. Костюм и мода в России XVIII в. // Внешний облик человека. URL: <http://vneshnii-oblik.ru/kultura/ist-kult2/moda-Ros.html>.

4. Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23.
5. Там же. С. 23–24.
6. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Олма-Пресс Образование, 2004, с. 291. См. о моде XV–XVII веков в России: Суслина Е. Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М.: Мол. гвардия, 2003. С. 96–114; Рябцев Ю. С. История русской культуры. Художественная жизнь и быт XVIII–XIX вв. М.: ВЛАДОС, 1998.
7. Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 63–64, цит. по: Коршунова Т. Т. Костюм и мода в России XVIII в. // Внешний облик человека. URL: <http://vneshnii-oblik.ru/kultura/ist-kult2/moda-Ros.html>.
8. Трёбст Ш. Судьбоносный 1667 год? К дебатам о «прорыве в Новое время» Московского централизованного государства (с предисловием Р. Пихои) // Quaestio Rossica, 2013/1. С. 62–65.
9. Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1991. А. Л. Ордин-Нащокин. С. 121–124; В. В. Голицын. С. 139.
10. Шамин С. М. Указ соч. С. 33.
11. Седов П. В. Царский двор в 1670–1682. 2.4. Влияние польской моды на женский дворцовый гардероб // Закат Московского царства, царский двор конца XVII века / под ред. Е. В. Анисимова. СПб.: Петербургский ин-т истории, изд-во «Дмитрий Буланин», 2008. С. 516–517.
12. Шамин С. М. Указ соч. С. 31.
13. Там же. С. 30.
14. Там же. С. 24.
15. Там же. С. 36; Суслина Е. Н. Указ соч. С. 113.
16. Шамин С. М. Указ соч. С. 36.
17. Журнал, или Поденная записка, блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770, с. 7. Цит. по: Шамин С. М. Указ соч. С. 30.
18. Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. Киев, 1904. URL: http://krotov.info/lib_sec/14_n/nom/en.htm#23.
19. ПСЗ-1. № 1741: «О ношении платья на манер Венгерского. Боярам и Окольничим и Думным и Ближним людям и Стольникам и Стряпчим и Дворянам Московским и Дьяком и Жильцом и всех чинов служилым и приказным и торговым людям, и людям Боярским, на Москве и в городах, носить платья, Венгерские кафтаны, верхние длиною по подвязку, а исподнее короче верхних, тем же подобием».
20. ПСЗ-1. № 1887.
21. ПСЗ-1. № 1999.
22. ПСЗ-1. № 1898.
23. ПСЗ-1. № 2874; В 1710-е до середины 1720-х гг. в Петербурге насчитывалось от 10 до 13 тысяч каторжников на галерах, см.: Анисимов Е. В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 317–318.
24. Liechtenhan F.-D. Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen. Paris, 2014 (на правах рукописи).
25. По подсчетам Е. В. Анисимова, в Петербурге середины 1720-х гг. кроме 40 тыс. человек населения насчитывалось более 29 тыс. человек военных: солдат, матросов, офицерского состава, которых необходимо было обеспечить обмундированием, см.: Анисимов Е. В. Указ соч. С. 306.
26. Там же. С. 88.
27. О расселении иностранцев в первой четверти XVIII в. см.: Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998.
28. Анисимов Е. В. Указ соч. С. 214. Собственно каменный период застройки Петербурга начался только с сер. 1720-х гг., здесь: с. 135.
29. Там же. С. 311.
30. Там же. С. 313–314.
31. Семенова Л. Н. Иностранные мастера в Петербурге в первой трети XVIII в. // Наука и культура России XVIII в.: сб. ст. Л., 1984. С. 201–224.
32. Павленко Н. И. Екатерина I. М.: 2004. С. 209: письмо Петра I жене Екатерине Алексеевне от 7 апреля 1717 г. из Брюсселя.
33. Там же. С. 211–212.
34. Фредерикс В. Б. (сост.), 200-летие Кабинета Его Императорского Величества 1704–1904. СПб., 1911. С. 185. Петровский рубль имел отношение 9:1 по курсу 1911 г., здесь, с. 108.
35. Там же.
36. Там же. С. 186.
37. Там же. С. 187.
38. Там же. С. 187–188; Хлебное и денежное довольствие «переведенцы» получали из казны, см.: Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М., 1959. С. 79.

39. *Фредерикс В. Б.* Указ. соч. С. 191–192. См. также: *Анисимов Е. В.* Указ соч. С. 87–91; В 1722 г. рас-ход Городовой канцелярии (примерно с 1706 г.), или Канцелярии от строений, как она называлась с 1723 г., на 59 иностранных специалистов составил 17 355 руб., тогда как на 2166 русских мастеров было истрачено 44 063 руб. см.: Там же. С. 91.

40. *Kovrigina V. A.* Die Deutschen im Moskauer Handwerk in der zweiten Hälfte des 17. und im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts (Hamburger Beiträge zur Geschichte der Deutschen im europäischen Osten, 4 hrsg. v. Norbert Angermann). Lüneburg 1997, S. 39f.

41. *Писарькова Л.* Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php; *Ruane Ch.* The Empire's New Clothes. A History of the Russian Fashion Industry, 1700–1917. Yale, 2009; *Славнитский Н. Р.* Санкт-Петербург в годы Северной войны: гарнизон и военное управление // История в подробностях. 2010. № 3, сентябрь. С. 179–181.

42. Цит. по: *Коршунова Т. Т.* Указ. соч.: ЦГАДА. Ф. 14. Оп. 2. Д. 88. Л. 1–4; Д. 192. Л. 1.

43. ПСЗ-1. № 3708.

44. ПСЗ-1. № 3980.

45. *Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 48.

46. *Коршунова Т. Т.* Указ соч.

47. Ливонская (1558–1583 гг.) и Русско-польские (1609–1618, 1654–1667 гг.) войны. См.: *Хайде Ю.* Ливония под властью Речи Посполитой. Борьба за власть и социальная трансформация // *Quaestio Rossica*, 2014/2. С. 112–143; *Малов А. В.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006.

48. *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

Notes

1. Dictionary of the Russian language of the XI - XVII centuries, is. 17. Moscow. Nauka. 1991. Pp. 129, 131-132. (in Russ.)

2. *Keller A.V. Nemcy v Moskve XVI – nachala XX vv.: ih kul'turnaya i obshchestvennaya zhizn'* [Germans in Moscow XVI - early XX centuries: their cultural and social life] // *Nemcy Moskvy: istoricheskij vklad v kul'turu stolicy* - Germans of Moscow: historical contribution to the culture of the capital. On proceedings of the international conference, dedicated to the 850th anniversary of Moscow", coll. of reports. Moscow. 1997. Pp. 53-105; *Kovrigina V.A. Nemeckaya sloboda Moskvy XVII-XVIII vv.* [German settlement of Moscow XVII-XVIII centuries] // *Ibidem*. Pp. 15-52.

3. *Korshunova T.T. Kostyum i moda v Rossii XVIII v.* [Costume and fashion in Russia in the XVIII century] // *Vneshnij oblik cheloveka* - Appearance of man. Available at: <http://vneshnii-oblik.ru/kultura/ist-kult2/moda-Ros.html>. (in Russ.)

4. *Shamin S. M. Moda v Rossii poslednej chetverti XVII stoletiya* [Fashion in Russia of last quarter of the seventeenth century] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* - Ancient Rus. Questions of Medievalists. 2005, No. 1, p. 23.

5. *Ibid.* Pp. 23-24.

6. *Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatelej* [Russian history in biographies of its most important figures]. Moscow. Olma-Press Obrazovanie. 2004. P. 291. See about the fashion of the XV-XVII centuries in Russia: *Suslina E. N. Povsednevnyaya zhizn' russkikh shchegolej i modnic* [Everyday life of Russian dandies and ladies]. Moscow. Mol. gvardiya. 2003. Pp. 96-114; *Ryabtsev Y. C. Istoriya russkoj kul'tury. Hudozhestvennaya zhizn' i byt XVIII-XIX vv* [History of Russian culture. The artistic life of the XVIII-XIX centuries] Moscow. VLADOS. 1998.

7. *I. Zabelin Domashnij byt russkikh carej v XVI i XVII stoletiyah* [Home life of the Russian tsars in the XVI and XVII centuries]. Vol. 1. Pt. 2. Moscow. 1915. Pp. 63-64, Cit. from: *T.T. Korshunova Kostyum i moda v Rossii XVIII v* [Costume and fashion in Russia in the XVIII century] // *Vneshnij oblik cheloveka* - Appearance of man. Available at: <http://vneshnii-oblik.ru/kultura/ist-kult2/moda-Ros.html>. (in Russ.)

8. *Trebst Sh. Sud'bonosnyj 1667 god? K debatam o «proryve v Novoe vremya» Moskovskogo centralizovannogo gosudarstva (s predislovиеm R. Pihoi)* [Fateful 1667? The debate about "breaking in a New era" of Moscow centralized state (with a foreword by R. Pikhoya)] // *Quaestio Rossica* - Quaestio Rossica. 2013/1. pp. 62-65.

9. *Kluchevsky V.O. Istoricheskie portrety* [Historical portraits]. Moscow. 1991. A. L. Ordin-Nashokin. Pp. 121-124, V.V. Golitsyn. P. 139.

10. *Shamin S. M.* Op cit. P. 33.

11. *Sedov P. V. Carskij dvor v 1670—1682. 2.4. Vliyanie pol'skoj mody na zhenskij dvorcovyj garderob* [Royal court in 1670-1682. 2.4. The influence of the Polish fashion on women's palatial closet] // *Zakat Moskovskogo carstva, carskij dvor konca XVII veka* – Sunset of Muscovy, Imperial court of the late XVII century / ed. by E. V. Anisimov. SPb. St. Petersburg Institute of History, "Dmitry Bulanin" Publ. 2008. Pp. 516-517.

12. *Shamin S. M.* Op. cit. P. 31.

13. *Ibid.* P. 30.

14. Ibid. P. 24.
15. Ibid. P. 36; Suslina E. N. Op. cit. P. 113.
16. Shamin S. M. Op. cit. P. 36.
17. *Zhurnal, ili Podennaya zapiska, blazhennyya i vechnodostojnyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikogo s 1698 goda, dazhe do zaklyucheniya Nejshtatskogo mira* - Journal, or Daily note, and blessed, forever worthy of memory of the Emperor Peter the Great from 1698, even before the conclusion Neystadtsky peace. SPb. 1770. P. 7. Cit. from: Shamin S. M. Op. cit. P. 30.
18. Notes of Y. K. Nomen about the visit of Peter the Great to the Netherlands in 1697/98 and 1716/17. Kiev. 1904. Available at: http://krotov.info/lib_sec/14_n/nom/en.htm#23. (in Russ.)
19. Resolves-1, No. 1741, p. 1: "About wearing dresses in the manner of Hungarian. To the boyars and okolichi and Duma and other people and Steward and an Attorney and the Nobility of Moscow and the Clerk and the Tenant and all ranks of the soldiers and commanding and trading people, and people boyar, in Moscow and cities, to wear dresses, Hungarian coats, top, long on the garter, and underwear is shorter than the upper, the same likeness". (in Russ.)
20. Resolves-1. No. 1887.
21. Resolves-1. No. 1999.
22. Resolves-1. No. 1898.
23. Resolves-1. No. 2874; In 1710-s until the mid-1720s, in St. Petersburg there were from 10 to 13 thousand convicts in the galleys, see: Anisimov E. V. *YUnyj grad. Peterburg vremen Petra Velikogo* [Young city. St. Petersburg in times of Peter the Great]. SPb. Dmitry Bulanin. 2003. Pp. 317-318.
24. Liechtenhan F.-D. Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen. Paris, 2014 (manuscript).
25. According to estimates of E. V. Anisimov in St. Petersburg in the mid 1720's of years in addition to 40 thousand people, there were more than 29 thousand people military: soldiers, sailors, officers, which was necessary to ensure a uniform, see: E.V. Anisimov Op. cit. P. 306.
26. Ibid. P. 88.
27. On settlement of foreigners in the first quarter of the eighteenth century, see: L.N. Semenova *Byt i naselenie Sankt-Peterburga (XVIII vek)* [Life and the population of St. Petersburg (XVIII century)]. SPb. 1998.
28. Anisimov E.V. Op. cit. P. 214. The actual stone construction period of Petersburg began only in the mid. 1720s, here: p. 135.
29. Ibid. P. 311.
30. Ibid. Pp. 313-314.
31. Semenova L. N. *Inostrannye мастера в Петербурге в первой трети XVIII в.* [Foreign artists in St. Petersburg in the first third of the XVIII century] // *Nauka i kul'tura Rossii XVIII v* - Science and culture of Russia of the XVIII century: col. art. Leningrad. 1984. Pp. 201-224.
32. Pavlenko N. I. *Ekaterina I* [Catherine I]. Moscow. 2004. P. 209: letter from Peter the great to his wife Catherine on April 7, 1717 from Brussels.
33. Ibid. Pp. 211-212.
34. Fredericks V. B. (comp.) *200-letie Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva 1704-1904* [200th anniversary of His Imperial Majesty's Cabinet 1704-1904]. SPb. 1911. P. 185. Peter's ruble had a ratio of 9:1 at the rate of 1911, here, p. 108.
35. Ibid.
36. Ibid. P. 186.
37. Ibid. P. 187.
38. Ibid. P. 187-188; Bread and pay "the transferred" received from the Treasury, see: Luppov S. P. *Istoriya stroitel'stva Peterburga v pervoj chetverti XVIII v* [History of the construction of St. Petersburg in the first quarter of XVIII century]. Moscow. 1959. P. 79.
39. Fredericks V.B. Op. cit. Pp. 191-192. See also: Anisimov E. C. Op. cit. Pp. 87-91; In 1722 consumption of Policeman Chancellery (from nearly 1706) or the Office of the buildings, as it was called from 1723, for 59 foreign specialists was 17 355 rubles, while 2166 Russian masters was spent 44 063 rubles, see: ibid., p. 91.
40. Kovrigina V. A. Die Deutschen im Moskauer Handwerk in der zweiten Hälfte des 17. und im can Viertel des 18. Jahrhunderts (Hamburger Beiträge zur Geschichte der Deutschen im europäischen Osten, 4 hrsg. v. Norbert Angermann). Lüneburg 1997, p. 39f.
41. Pisarkova L. *CHinovnik na sluzhbe v konce XVII – seredine XIX veka* [Clerck on the official service in the late seventeenth to mid of nineteenth century. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php (in Russ.); Ruane Ch. The Empire's New Clothes. A History of the Russian Fashion Industry, 1700-1917. Yale, 2009; Slavnitsky N. R. *Sankt-Peterburg v gody Severnoj vojny: garnizon i voennoe upravlenie* [St. Petersburg in the Northern war: the garrison and military management] // *Istoriya v podrobnostyah* - History in details. No. 3, September 2010, pp. 179-181.
42. Cit. Korshunova T.T. Op. cit.: CSADA. F. 14. Sh. 2, File 88, Sh 1-4; File 192, Sh. 1.
43. Resolves-1. 3708.
44. Resolves-1. 3980.

45. Pazhitnov K. A. *Problema remeslennykh cekhov v zakonodatel'stve russkogo absolutizma* [The problem of guilds in the legislation of the Russian absolutism]. Moscow. 1952. P. 48.
46. Korshunova T.T. Op. cit.
47. Livonian (1558-1583) and Russo-Polish (1609-1618, 1654-1667) wars. See: Haide Y. *Livoniya pod vlast'yu Rechi Pospolitoj. Bor'ba za vlast' i social'naya transformaciya* [Livonia under the authority of the Rzecz Pospolita. The struggle for power and social transformation] // Quaestio Rossica, 2014/2, pp. 112-143; Malov A.V. *Russko-pol'skaya vojna 1654–1667 gg* [Russo-Polish war of 1654-1667]. Moscow. Zeighaus. 2006.
48. Fedotova V.G. *Modernizaciya «drugoj» Evropy* [Modernization of "another" Europe]. Moscow. 1997.

УДК 908

Т. Д. Фаттахов

К истории расселения татар-мусульман в юго-восточных городах и уездах Вятской губернии

На основе разнохарактерного материала исторических источников в статье рассматривается история городов юго-восточной части Вятской губернии: Елабуги, Сарапула, Малмыжа и Уржума. Исследуются причины их возникновения и последующая судьба до начала XX в. Автором обосновывается мысль о необходимости изучения этих городов как единого исторического, географического и экономического пространства в силу их специфического национального состава и месторасположения. Анализируются также процессы миграции татар с территории бывшего Казанского ханства в юго-восточные земли Вятского края, где они со временем превратились в оседлое население, в том числе городское. Предпринимается попытка определения численности мусульманского населения в Елабужском, Малмыжском, Уржумском, Сарапульском уездах и в административных центрах данных территориальных образований.

On the basis of diverse material of historical sources the paper presents history of towns of the South-Eastern part of the Vyatka province: Yelabuga, Sarapul, Malmyzh and Urzhum. Towns' emergence causes and their subsequent destiny before the early XX-th century were explored. The Author makes the case for studying of mentioned towns as a united historical, geographical and economic area due to their specific ethnic composition and location. The Tatars' migration processes from the territory of the former Kazan Khanate to the South-East districts of Vyatka province were analysed, where Tatars formed a settled population in the lapse of time, including urban population. An attempt is made to estimate Moslem population in Yelabuga, Malmyzh, Urzhum and Sarapul districts and in administration centres of these territorial entities.

Ключевые слова: Вятская губерния, городское население, Малмыж, Уржум, Сарапул, Елабуга, татары, мусульмане, миграция.

Keywords: Vyatka province, town population, Malmyzh, Urzhum, Sarapul, Yelabuga, Tatars, Moslems, migration.

В 1708–1710 гг. Петр I провел административно-территориальную реформу, по результатам которой страна была разделена на восемь больших губерний. Вятская земля оказалась в составе двух из них – в Сибирскую вошли Хлыновский, Слободской, Котельничский, Орловский, Шестаковский и Кайгородский уезды, а Яранский, Уржумский, Царевосанчурский и Малмыжский попали в состав Казанской. В 1780 г. эти земли вновь оказались под воздействием территориальной реформы. По ее итогам было образовано Вятское наместничество, состоявшее из 13 уездов – Вятского, Слободского, Кайгородского, Котельничского, Орловского, Яранского, Царевосанчурского, Уржумского, Нолинского, Малмыжского, Глазовского, Сарапульского и Елабужского. Однако и в таком состоянии Вятские земли также пребывали недолгий срок и уже в конце XVIII столетия – 12 декабря 1796 г. – Вятское наместничество указом Павла I было преобразовано в губернию. Образованная губерния на западе граничила с Костромской, на севере – с Вологодской, на востоке – с Пермской, на юге – с Казанской и Уфимской. На момент создания на её терри-